

БЗ.З(2Р-4Кем)

К78

ЮБИЛЕЙ • ЮБИЛЕЙ • ЮБИЛЕЙ • ЮБИЛЕЙ

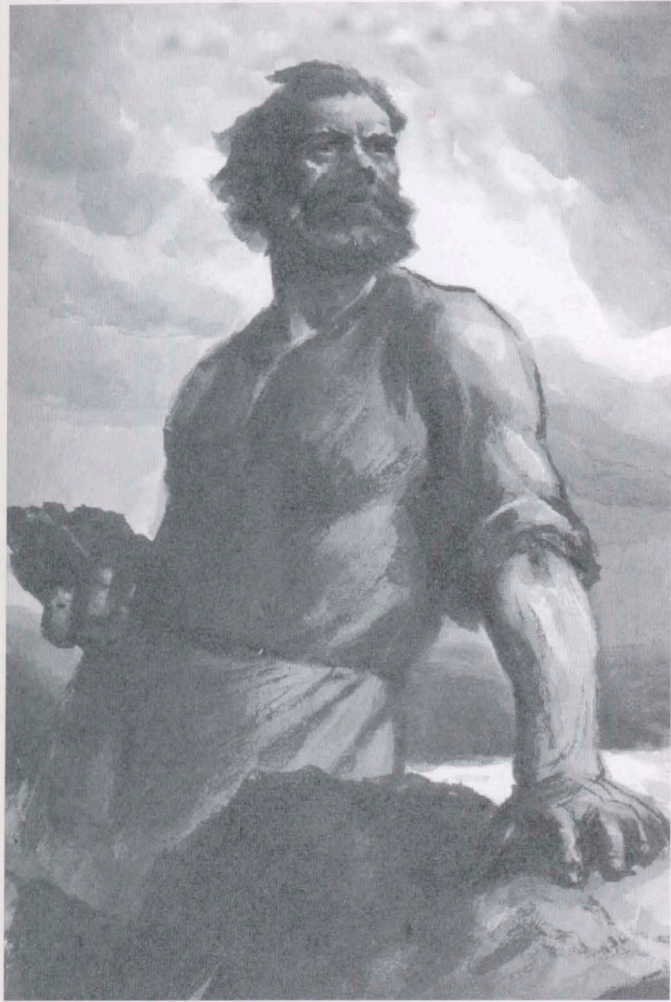
КРАСНАЯ ГОРКА

90 лет городу

КЕМЕРОВО 2008

ЮБИЛЕЙ • ЮБИЛЕЙ • ЮБИЛЕЙ • ЮБИЛЕЙ

Названия
и основные темы
предыдущих
выпусков:

Выпуск первый (2001 год)
Ключ от города

- Становление музея-заповедника
- Историческая хроника Красной Горки
- Поэтическая хроника Красной Горки

Выпуск второй (2001 год)
Окно в Нидерланды

- Голландский акцент в сибирской архитектуре
- «Царь-плотник» на Красной Горке
- О граде сокровенном художник, учёный, поэт

Выпуск третий (2002 год)
Духовное поле

- Писатели Кузбасса на площади Пушкина
- Новое о В.Д. Вучичевиче-Сибирском
- Музей во времени и пространстве

Выпуск четвёртый (2003 год)
Центр мироздания

- Ратный труд кемеровчан
- Взыскующие града
- Ещё раз о Боге погоды

Выпуск пятый (2004 год)
Монумент шахтёрам

- Символы Красной Горки
- Свидетельства из первых уст
- Музыка Солнца

Выпуск шестой (2005 год)
Пласт мужества

- Свет Великой Победы
- Мосты через Томь
- День шахтера в Кемерове

Выпуск седьмой (2006 год)
Река родная

- Вверх и вниз по течению
- Штрихи к портрету города
- Томский благовест

Выпуск восьмой (2007 год)
Кемеровский рудник

- Копикуз и АИК «Кузбасс» в контексте мировой истории
- Возраст города
- Девчата с Красной Горки

Кр (кр)

63.3(2Р-УКем)
К 78

КРАСНАЯ ГОРКА

КРАЕВЕДЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ
ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

*...И негромко говорю: "Спасибо"
городу, в котором я живу*

Игорь Киселев

Юбилей города

- *Свидетельство о рождении*
- *Федоровские чтения*
- *Город в судьбах кемеровчан*

353791

ЖК

КУЗБАССВУЗИЗДАТ • 2008

БК 26.981
К78

Учредитель: муниципальное учреждение «Музей-заповедник «Красная Горка»
(650044, г. Кемерово, ул. Красная Горка, 17, 64-24-12)

В издании альманаха «Красная Горка» также участвуют:

Администрация города Кемерово;

Кемеровский государственный университет;

Фонд архитектурного анализа при Делфтском технологическом университете Королевства Нидерландов;

Департамент культуры и национальной политики
Администрации Кемеровской области

Главный редактор
Г. Е. ЮРОВ

Ответственный секретарь
А. В. ЗЫКОВ

Редколлегия:

Ю. С. ЗЮЗ
А. М. КУЛЕ

А,
З, И. Ю. УСКОВ

Член редколлегии
ЯН МОЛЕМ

Член редколлегии
САЙМОН Ф

в Г. Е., сост., 2008
«Красная Горка», 2008
«Свиздат», 2008

Петр ЛАВЛИНСКИЙ

КОМАНДИРЫ УГОЛЬНОГО ФРОНТА

Этой публикацией мы возвращаем в литературный и историографический обиход документальные очерки известного в Кузбассе журналиста и ученого Петра Ивановича Лавлинского, выпустившего свою книгу двадцать лет назад. Сейчас нет в живых ни автора, ни большинства его героев, сыгравших большую роль в развитии угольной промышленности Кузбасса. Книга «Командиры угольного фронта» (Кемерово, 1988) стала свидетельством о жизни и труде знаменитых представителей шахтерской гвардии, чьи имена всегда нам будут дороги. Это Василий Иванович Бажанов, Иван Васильевич Парамонов, Николай Андреевич Чинакал, Александр Николаевич Задемидко, Андрей Савельевич Стугарев, Владимир Ильич Воробьев, Петр Иванович Кокорин, Николай Иванович Линденау, Александр Андреевич Сурначев, Яков Яковлевич Гуменник, Алексей Никифорович Белопол... И другие.

Сегодня мы представляем командиров угольного фронта Кузбасса, чьи биографии наиболее тесно связаны с девятистолетней историей города Кемерово. Это Владимир Григорьевич Кожевин и Владимир Павлович Романов, которого по праву называют «шахтерским маршалом». Имя Романова носит фонд «Шахтерская память», которым руководит Михаил Иванович Найдов.

НЕУКРОТИМЫЙ КОЖЕВИН

Открывая калитку легкой металлической ограды, опоясавшей старый особняк с овальными окнами, я невольно вспомнил свое далекое детство. По пыльной, исчерченной ободьями тележных колес дороге мы, мальчишки, постоянно бегали в школу мимо этого особняка. Укрытый тополями и густой акацией, он представлялся необыкновенно таинственным. Еще большую робость вызывал его хозяин, дядька здоровенный, с виду суровый, с

наголо бритой головой. Завидев его, мы задавали стрекача.

Не утерпев, рассказываю об этом Владимиру Григорьевичу. Он заразительно смеется и гостеприимно приглашает в дом.

Хозяину перевалило за семьдесят пять, но выглядел необычайно свежо и бодро. Говорил энергично, подкрепляя слова резкими жестами рук:

– Сколько сейчас шумят: выбросить щитовую систему! А позволительно спросить, что взамен? Пока ни-че-го! Совершенствовать ее надо, бороться с потерями. Да и открытчикам уже пора поаккуратнее относиться к выемке коксующихся углей. Зачем их валить в один отвал с рядовыми. На кафедре мы только что рассматривали возможность отдельной выемки угля для металлургов и

В. Г. Кожевин

энергетиков. Это же безобразие – коксовыми углями котлы топить!

Теперь уже не восстановить всех деталей того разговора – времени прошло довольно много, но убежденность и страстность профессора Кожевина памятна.

...В Егоровском управлении треста «Кузбассшахтопроходка» сложная ситуация. Из-за обильного притока воды остановилась проходка блочного ствола для шахты «Октябрьская». Начальник управления А. И. Филиппов обратился к Кожевину:

– Выручайте, Владимир Григорьевич, тоном.

Кожевин не заставил себя долго ждать, собрал специалистов – и в Ленинск-Кузнецкий. Обстановка на шахте была действительно угрожающей – каждый час на проходчиков обрушивалось более четырехсот кубометров воды. Но умудренные опытом гости нашли выход: нужна предварительная цементация горных пород. А вскоре были готовы

необходимые расчеты и рекомендации. Фронт работы проходчикам был открыт.

Этот пример – далеко не единственный. Кафедра строительства горных предприятий Кузбасского политехнического института изучила физико-механические свойства горных пород на полях шахт и разрезов Кузбасса. Имея эти данные, проектировщикам совсем не трудно выбрать способы управления кровлей в проектах реконструкции шахт «Распадская», «Капитальная», «Судженская», «Бирюлинская».

– Глядишь, – улыбается Владимир Григорьевич, – и не будут проектировщики мраморные колонны рекомендовать для крепления, что-нибудь полегче да подешевле подберут.

И все же главную свою задачу профессор видел в другом – воспитании толковых инженеров. Он, помнится, даже Чернышевского цитировал: «...знание возбуждает любовь: чем больше познакомишься с наукой, тем больше любишь ее». Смотреть в корень, быть творчески мыслящим – аксиомы педагогического поприща ученого. Не этим ли объясняется, что на кафедре Кожевина проблемные для бассейна научные исследования всегда составляли неотъемлемую часть учебного процесса, а многие дипломные проекты оценивались как научные работы?

Полувекковая хозяйственная, инженерная и научная нива Владимира Григорьевича Кожевина дала завидный урожай. С гордостью называют его своим учителем главный инженер треста «Таштаголшахторудстрой» В. К. Ширяев, главный инженер комбината «Кузбассшахтострой» П. С. Сыркин, управляющий трестом «Прокопьевскшахтострой» В. В. Трофимов, кандидаты наук из ВостНИИ В. И. Чикунев, В. И. Климов, главный маркшейдер ВПО «Кузбассуголь» Л. А. Западинский.

– Мы все учились у Владимира Григорьевича самоотдаче, принципиальности и шахтерской мудрости, – говорит бывший начальник комбината «Кузбассуголь», Герой Социалистического Труда В. П. Романов. – Щедро и искренне делился он с

молодежь багажом знаний, накопленным за полвека сложной и беспокойной шахтерской жизни.

Воспоминания накатываются волнами... Память зовет остановиться, оглянуться назад... Осмыслить... Когда это все начиналось? Может быть, в середине тридцатых, когда он уходил вместе с будущим академиком И. П. Бардиным в отроги Горной Шории на поиски железной руды? А может, чуть позже, на шахте «Северная», когда впервые почувствовал уверенность в своих силах...

...Они стояли по разную сторону стола и минуту-другую внимательно разглядывали друг друга. Один изучающе, другой твердо и прямо. Перед Александром Николаевичем Задемидко, главным инженером шахты «Северная», стоял плотный широкоплечий мужчина. В свои тридцать он выглядел внушительно. Спокойно, с достоинством рассказал о своей сравнительно короткой трудовой жизни. Политехнический техникум в Томске... Геологическая экспедиция в Горной Шории... Индустриальный институт... Проектная контора... Преподавание в техникуме... Теперь направление заместителем главного инженера шахты...

«Северная» для Кожевина оказалась крепким орешком. Условия сложные, метана много, нарушения. Кожевин быстро вписался в коллектив горняков – работы не боялся, от решения сложных дел и ответственности не уходил. Внешне суровый и немногословный, он охотно шел туда, где требовалась помощь. Умел и спрос учинить отменный. Первым делом за соблюдение технологической дисциплины.

– А как по-другому? – пояснил он. – За газом и пылью глаз да глаз нужен. Чуть проморгал – жди беду. Наука тогда только подбиралась к секретам борьбы с метаном, угольной пылью. Не знали шахтеры толком и механизма внезапных выбросов, а это тоже сигнал катастрофы. Оставалось единственное: четкое соблюдение дисциплины, паспортов, инструкций. Уверен, поэтому и не знала шахта многие годы серьезных аварий.

Владимир Григорьевич считает себя счастливым человеком потому, что с первого шахтерско-

го перекрестка судьба многократно сводила его с А. Н. Задемидко.

– Удивительно интересный и разносторонний человек Александр Николаевич. Сочетание высокой культуры и широкой инженерной эрудиции с несгибаемой волей и требовательностью. С «Северной» его назначили начальником комбината «Кузбассуголь», а я стал главным инженером шахты. После нам не однажды приходилось работать рядом – в Осинниках, комбинате «Кузбассуголь». Некоторое время были, как говорится, на равных – заместителями министра. И в Кемеровском совнархозе вместе трудились: Александр Николаевич – председателем, я – его первым заместителем.

Тепло и душевно вспоминает Владимир Григорьевич о начальнике шахты «Северная» Анатолии Акимовиче Демьяненко, который еще в 1917-м стал членом партии и с тех пор находился на руководящей хозяйственной и партийной работе.

Многим казалось, что Кожевин, открыто и, на первый взгляд, настойчиво выступив против применения врубовых машин на мощных крутопадающих пластах, просто проявляет свое упрямство. Сверху, из треста «давили», а он упорствовал, доказывая, что уголь мощных пластов мягкий, легко отваливается, нарушает крепление, делает врубовку малоэффективной. Неизвестно, чем бы кончился этот спор с трестовским начальством, но «выручила» беда. В одну из смен лава села, накрыв породой машину. Получил травму помощник машиниста. Кожевин ходил темнее тучи, а в кабинете Демьяненко разрядился:

– Пусть со мной делают что хотят, а все врубовки я приказал убрать из шахты. Не годится для нас такая техника.

Тогда же впервые на Кемеровском руднике Кожевин предложил применить закладку. Легче стало управление кровлей, уменьшилась опасность самовозгорания угля, сократились его потери. В декабре 1940 года газета «Угольная промышленность» отметила, что «организация закладочного хозяйства на шахте «Северная» позволила начать

эксплуатацию пласта, который долгое время был законсервирован».

На слете ветеранов труда Рудничного района Кемерова я познакомился с бывшим забойщиком, а потом парторгом и начальником шахты Ф. В. Спириным. В свои почти восемьдесят лет он выглядел внушительно. Высоченный, широкоплечий, ну прямо Илья Муромец. А говорил на удивление мягко, когда вспоминал прошлое, от каждого слова так и веяло теплотой. Вспомнил Федор Васильевич и о Кожевине.

— Помню, как он вручал нам значки «Отличник социалистического соревнования». В то время эта награда высоко ценилась среди шахтеров. Гремит оркестр, цветов — море: праздник настоящий. Награждается бригадир Прасковья Ивановна Герасимова. В низком поклоне склоняется перед ней с виду такой недоступный и гордый Кожевин и душевно благодарит Прасковью Ивановну за усердие и мужество. Тогда на шахтах еще работало немало женщин. Они спускали в выработки лес, грузили породу и уголь. Что и говорить, дело они выполняли тяжелое, мужское.

Здесь, на «Северной», обозначилась твердая жизненная позиция Кожевина, основу которой составляли новаторский поиск, оперативность и настойчивость в решениях, обязательность и твердая воля в достижении поставленной цели. Последнее Владимир Григорьевич никогда не ставил в зависимость от обстоятельств.

— Раз тебе доверено руководство людьми и производством, кровь из носа, а обеспечить работу так, чтобы все было задействовано на выполнение конкретной задачи. В наших условиях первое — это план добычи угля. За него — спрос по самому крупному счету, и в первую очередь с руководителя. Недавно на одной из шахт, что по уши увязла в долгах, вижу огромный плакат: «Дадим 60 тысяч тонн сверхпланового угля!» Думаю: почему не совестно за него руководителям? Зачем такое всенародное вранье? Все же знают, что пока и плана-то нет. Пустословие и дешевый самообман это, наносящие непоправимый ущерб делу.

В этих словах весь Кожевин — прямой, резкий, справедливый.

За год до войны стал Владимир Григорьевич коммунистом. Ответственно выполнял обязанности депутата горсовета. Будучи главным инженером шахты, руководил группой агитаторов, встречался на десятидворках с населением.

В первые дни войны Кожевин срочно вернулся на шахту из санатория, а здесь уже ждал его приказ начальника комбината «Кузбассуголь» выехать в Осинники, принять дела начальника техотдела треста.

Все было предельно ясно. Добыча коксующегося угля определялась как важнейшая задача военного времени. Для ее решения обком партии и комбинат подбирали самых надежных и способных руководителей.

Сводки Совинформбюро приносили сообщения, одно тревожнее другого.

Лихорадило добычу угля и на Осинниковском руднике. В 1942 году в очередной раз приехав сюда, нарком угольной промышленности Василий Васильевич Вахрушев собрал командный состав отстающей шахты «Десятая». Голос охрипший, простуженный, глаза от бессонницы красные. Еще раз взвесив обстановку, заключил:

— Нужных выводов так и не сделано. Шахта завалена. Передайте дела Кожевину, а с главным инженером он сам решит. Вы же, Кожевин, запомните: при любых обстоятельствах обязаны до грамма выполнять задание по углю. Не только шахтой, каждым участком, всеми бригадами.

Кадровые перестановки коснулись не только «Десятой». Передав руководство комбинатом Поченкову, Задемидко принял трест «Осинникиуголь». Главным инженером к нему прислали Т. Ф. Горбачева, будущего члена-корреспондента АН СССР.

Осинники... Там, совсем рядом с «Десятой», на Елбанских косогорах, по которым нестройными рядами разбросались скромные шахтерские дома, проходило мое нелегкое детство. В стужу и распутицу взрослым и детворе самой надежной

обувью были «чуни»: голенища из прорезиненной ленты, соединенные нитками и клеем с литыми резиновыми галошами. К обеду, прихватив узелок с незатейливой домашней едой, бегал я к шурфу. Высокий и худой, отец поднимался, насквозь пропыленный углем. Наскоро перекусив, он снова спускался под землю, где его – коногона – ждали лошади... Все мерялось тоннами угля, добываемыми с напряженным трудом и риском. Шахтеры, да и все мы, жители горняцкого поселка, видели в угле танки и пушки, самолеты и снаряды, так необходимые для победы над заклятым врагом...

И вот в то суровое время Кожевин стал начальником «Десятки».

Ее ветеран Андрей Филиппович Фриц рассказывает:

– Владимир Григорьевич не пропускал ни одного наряда перед спуском рабочих в шахту. Разбирался в обстановке. Уточнял задания. Потом с парторгом рассказывал о делах на фронтах и шахте. Но выходил из себя, если узнавал о чьем-либо проступке или небрежности. Тут уж стружку он умел снять.

Дважды в неделю сам работал в забое и не уходил, пока не выполнит сменной нормы забойщика. Это была продуманная линия: быть во всем примером для подчиненных. Из отстающих шахта стала передовой на руднике, и до конца войны, начиная с четвертого квартала 1942 года, ее коллектив ни разу никому не уступал переходящего Красного знамени ГКО.

В партийном архиве Кемеровской области есть протокол Осинниковской городской партконференции, состоявшейся в августе 1942 года. Выступая на ней, Кожевин резко говорил о благодушии шахтостроителей и необходимости в связи с этим своими силами обеспечивать повышение добычи угля.

Пока шахтостроители «примерялись» к новым горизонтам, Кожевин убедил трест прирезать к своей шахте угольные запасы Тайжинской группы пластов. Спешно подготовили чертежи,

пробурили в тайге просеку к будущей штольне. Почин шахты поддержал обком партии: направил на помощь опытных проходчиков из Анжеро-Судженска. Спустя несколько месяцев новая штольня «Черная Тайжина» дала первые тонны угля, обеспечив в дальнейшем заметный прирост шахте добычи ценнейших коксующихся углей.

Красноречивой оценкой трудовой доблести Владимира Григорьевича в годы войны явилось присуждение ему в 1948 году, вместе с другими отличившимися шахтерами, высокого звания Героя Социалистического Труда.

В Киселевске, куда после войны Кожевин был направлен управляющим трестом, снова пришлось иметь дело с мощными пластами. Обстановка была сложной. Нарушен технологический порядок, оставленные целики грозили пожарами, наращивать добычу мешала низкая техническая оснащенность. Но были прошедшие огонь и медные трубы люди – главный инженер треста В. В. Шалков, его заместитель П. М. Ковачевич, главный маркшейдер В. А. Бакатин, начальники шахт – В. П. Романов, К. Д. Степаненко, К. И. Рубин, А. А. Сурначев, многие другие опытные руководители и специалисты. Были известные всему Кузбассу своим мастерством бригадиры-щитовики и проходчики.

Не меняя своих принципов, Кожевин и здесь занялся прежде всего наведением дисциплины и порядка на шахтах. Приедет на шахту – ничего не упустит, все заметит. И тут же найдет виновного: «Не будет к такому-то сроку очищен от хлама лесной склад – пеняй на себя», «Еще раз увижу на смене рабочих без дела – сам пойдешь в забой».

– Что и говорить, – рассказывал бывший начальник шахты имени Вахрушева А. А. Сурначев, – при первом знакомстве одним внешним видом подавлял – массивный, с большой, начисто выбритой головой. Все, кто не в ладах с порядком и дисциплиной, старались по возможности избегать неприятных с ним разговоров. Стружку умел снимать основательно. Но строгость была обоснованной и справедливой. Не было у него в характере

ни злобы, ни мстительности, ни унижающего человека злорадства. Я бы назвал это строгой деловой порядочностью руководителя.

Заботясь о перспективе рудника, Владимир Григорьевич решил силами треста построить разрез в районе Красного Брода, который стал первенцем открытой добычи угля в бассейне. При решении судьбы труднодоступных углей Абинской синклинали родилась идея – сжигать их под землей, а полученный газ выдавать на поверхность. Так начал работать участок газификации, обеспечивший ряд предприятий Киселевска калорийным газом...

В ту пору все угольные предприятия бассейна объединяли два комбината: южные – «Кузбассуголь» и северные – «Кемеровоуголь». В сентябре 1947 года Кожевина назначают начальником комбината «Кемеровоуголь». Сюда входили шахты Кемеровского, Ленинского и Анжеро-Судженского угольных районов. Коксующихся углей здесь добывали сравнительно немного, поэтому шахтам отводилась роль поставщика, главным образом, энергетического топлива, который шел бы в топки паровозов, давал ток на электростанциях, обеспечивал нужды предприятий и населения. И все же – так повелось с войны – материально-технически он обеспечивался заметно хуже комбината «Кузбассуголь». И объемы строительства здесь были скромнее и темпы отставали.

Изучив и взвесив обстановку, Кожевина нацеливает усилия и ресурсы на коренное обновление шахтного фонда и улучшение экономических показателей угольного производства, что соответствовало и духу решений прошедшей весной 1947 года областной партийной конференции.

...Уже пятый час кряду Владимир Григорьевич, собрав специалистов, рассматривает схему развития северного крыла бассейна, подготовленную институтом «Сибгипрошахт». Проект, доложенный ведущим специалистом В. В. Поповым, был разработан грамотно, с размахом. Речь шла о закладке ряда новых шахт на наклонных и пологих пластах в Анжеро-Судженске, о сооружении шахт «Промышленновская», «Березовская», «Перво-

майская», о развитии Беловского и Ленинск-Кузнецкого угольных районов. Тогда же, пожалуй, впервые начальник комбината широко и остро поставил вопрос о завтрашнем дне открытой добычи угля.

– Располагая данными геологов, – рассказывал позднее Владимир Григорьевич, – предложивших ряд участков для открытой добычи угля, мы обратились в министерство. Единственное, что нам тогда разрешили, – построить Бачатский и расширить Краснобродский разрезы, с которых еще задолго до официального ввода в строй пошел уголь. Выгодный по всем статьям – солидная производительность, отсутствие расхода леса, облегчение труда горняков... Все, кажется, наглядно и убедительно. Так нет же. Нашлись авторитетные противники. Уйму доводов напридумывали, критикуя открытые работы! Нельзя, мол, портить месторождения. Не будут разрезы рентабельными... Один оппонент, – добавил Кожевина, – даже статью в «Литературке» поместил, уверял, что надо немедленно остановить открытую добычу, а не то «Кожевина распашет весь Кузбасс от Анжерки до Томусы».

Здесь очень своевременной оказалась поддержка партийных органов. В Совет министров СССР обком партии направил глубоко аргументированное письмо о необходимости развития в Кузбассе добычи угля открытым способом. И лед тронулся. Один за другим строились новые разрезы. Они оснащались могучей техникой. Прошло совсем немного времени, а открытки уже довели годовую добычу угля до 53 миллионов тонн. У истоков этой впечатляющей и внушительной горы добытого топлива стояли люди непоколебимые, настойчивые, по-своему одержимые. И признанный правофланговый у них – Владимир Григорьевич Кожевина.

В 1953 году всю угольную промышленность страны объединило одно министерство, два комбината Кузбасса слились в один – «Кузбассуголь». К этому времени В. Г. Кожевина являлся уже заместителем министра угольной промышленности.

Однако, когда ему предложили возглавить новый комбинат в Кузбассе, он не колеблясь согласился и никогда не жалел об этом.

Определяя перспективы бассейна, Кожевин нацеливал аппарат комбината на приоритетное развитие открытых работ. Его заботили форсирование строительства, техническая вооруженность, выбор новых технологических схем работы разрезов. Владимир Григорьевич становится авторитетным союзником автора нового гидравлического способа подземной добычи угля доктора технических наук, профессора Владимира Семеновича Мучника.

Много лет в бассейне работало производственное объединение «Гидроуголь», над многочисленными проблемами гидродобычи ломают головы ученые Москвы, Новокузнецка, Новосибирска. Но все же...

– Удельный вес гидродобычи остается неоправданно низким, – сетует Владимир Григорьевич. – В чем причина? Мало активной настойчивости, кровной заинтересованности у тех, кто обязан заниматься ею. Пути и возможности развития гидродобычи определены давно, но и ныне пока четко не обозначены районы ее применения. Нужны новые гидрошахты, особенно для отработки верхних горизонтов. Вторая тормозящая причина, я считаю, полностью на совести министерства – идут годы, а нужной гидротехники как не было, так и нет. Сделают где-нибудь, скажем, в Малаховке или Копейске экспериментальный образец и успокоятся. Нельзя же развивать целое технологическое направление, работая такими темпами.

Что и говорить, в бурное время подъема угольной промышленности довелось Кожевину быть ее руководителем. История бассейна едва ли знала время, когда так широко шествовал по шахтам технический прогресс. Взрывчатку и отбойные молотки заменяли комбайны, внедрялись новые крепи, получала дорогу шахтная автоматика.

Не без поддержки руководства комбината на вооружение шахтеров поступает комбайн Якова

Гуменника, опрокинувший все рекорды скоростной проходки выработок по углю.

Много времени уделяет Кожевин освоению Томусинского и Березовского месторождений. Не выпускает он из поля зрения и проблемы Прокопьевско-Киселевского района, настойчиво стучится с ними в Госплан и министерство, обращается к ученым. За десять лет, что находился во главе комбината Владимир Григорьевич, добыча угля по бассейну увеличилась в два с половиной раза. В пять с лишним раз возрос за это время поток угля из комбайновых лав.

За достигнутые успехи в 1957 году около 650 горняков бассейна получили ордена и медали, десять из них стали Героями Социалистического Труда. Подобных темпов роста добычи угля еще не знал наш шахтерский край.

Вспоминая то время, Владимир Григорьевич с особой теплотой говорит о становлении и мужании славной плеяды механизаторов, прославивших Кузбасс выдающимися трудовыми достижениями. Один Порфирий Трэфелев с шахты имени Кирова чего стоил! Модернизовав комбайн «Донбасс», он с товарищами первым перешагнул рубеж месячной добычи в двадцать тысяч тонн.

– Позднее, когда я стал ректором политехнического института, снова встретился с Трэфелевым, но уже как со студентом. Вообще, у нас много тогда молодежи работало – более восьмидесяти тысяч человек. О многих из них можно добрые слова сказать. Хорошее, здоровое поколение росло. Нам, старикам, смена на радость.

Чувствуется – старому шахтеру приятны эти воспоминания. И улыбка, и взгляд становятся мягкими, даже слегка грустными.

А вообще-то об успехах и достижениях Кожевина говорит сдержанно и скупое. Видимо, это от характера, привыкшего больше созидать, чем говорить о сделанном.

– Об угле в те годы говорили во весь голос, считали его всему головой, – с какой-то особой интонацией замечает Владимир Григорьевич. – Что-то я и не припомню случая, когда бы мы отбивались,

как это часто сейчас случается, от постоянно растущих планов. И выполняли их, как бы ни приходилось трудно. Возможности для роста у Кузбасса огромны. Но использовать их надо комплексно, с учетом всех сопутствующих факторов.

Вопросы долговременной технической политики, капитального строительства, пусть недостаточного, но и сооружения жилья, соцкультобъектов занимали у Кожевина не меньше времени, чем оперативная работа по выполнению текущих производственных планов.

Так было и тогда, когда Владимир Григорьевич являлся первым заместителем председателя Кемеровского совнархоза. Заботой и ответственностью за будущее шахтерского края пронизаны его выступления на XX съезде КПСС, сессиях Верховных Советов СССР и РСФСР, в центральной и местной печати.

Символично, что, начав свою трудовую биографию с преподавателя горных дисциплин в техникуме, Владимир Григорьевич, став крупным руководителем угольного производства страны и авторитетным специалистом горного дела, снова вернулся к педагогике, возглавив после П. И. Кокорина кузницу инженерных кадров – Кузбасский политехнический институт. И здесь он с головой ушел в работу: укреплял профессорско-преподавательский состав, налаживал деловые связи института с предприятиями, строил студенческие общежития, совершенствовал учебный процесс, развивал научную базу...

Внушительен и научный багаж Владимира Григорьевича. Его перу принадлежат более 160 работ по различным проблемам горного дела. Венцом их является энциклопедическая монография «Разработка угольных месторождений Кузбасса», написанная в содружестве с такими известными учеными, как Д. А. Стрельников и Т. Ф. Горбачев. Об этой работе, названной в ученом мире «выдающимся произведением горнотехнической литературы», академик Н. В. Мельников писал В. Г. Кожевину: «Книга великолепна, фундаментальна и редка. Вы сделали огромное и полезное дело для

горных инженеров, ознакомив их в книге так подробно и точно с разработкой угольных месторождений Кузбасса».

Кожевин никогда не забывал о своих обязанностях коммуниста, избранника народа в высшие органы власти страны. Будучи делегатом двух съездов партии, депутатом и членом бюджетной комиссии Верховного Совета республики и страны, Владимир Григорьевич относился к общественным обязанностям необычайно щепетильно и ответственно. Шестнадцать лет он возглавлял Кемеровское областное правление общества «Знание», выступал с лекциями в Румынии, ГДР, Венгрии, на Кубе, в Финляндии. Его активное участие в пропагандистской и лекционной работе отмечено орденом Трудового Красного Знамени и почетной медалью имени академика С. И. Вавилова. Уместно в этой связи вспомнить слова Н. К. Крупской: «Надо уметь сливать свою жизнь с общественной жизнью... Благодаря такому слиянию личная жизнь обогащается».

...Много вечеров провел я с Владимиром Григорьевичем. Мне даже казалось, что Кожевин ждет моего очередного визита. Видимо, и ему было небезынтересно вспомнить, прочувствовать пережитое.

Мы усаживались в зале в кресла и неторопливо перебирали месяцы, годы, судьбы и события. Во время этих незабываемых бесед, в которых так много промелькнуло лиц и жизненных эпизодов, невольно напрашивалась мысль – в одиночку Кожевин не решал никаких задач. Он работал с людьми, вел их за собой. Главное его призвание состояло в том, чтобы, сплотив их в одно целое, направить все устремления и чувства к единой цели – расцвету угольной промышленности края. Для этого необходимы организаторский талант, дар стратега, неукротимая сила воли. Всего этого у Владимира Григорьевича оказалось в достатке. Его трудовая жизнь – яркое подтверждение неизмеримости человеческих возможностей, богатства ума и опыта. Именно такая целеустремленность позволяла шахтерскому командиру Кожевину вышиться над обстоятельствами.

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

– Научно-технический прогресс неумолим. Не проходит и десятка лет, как на шахтах все обновляется – техника, технология, наконец, люди. Нынешний горняк не чета старому: за его плечами десятилетка, техникум, а то и вуз. И все равно – чтобы не отстать, горняки должны постоянно учиться, совершенствовать свое мастерство. Вот этим-то повышением квалификации командиров угольного производства – руководителей смен, участков, шахт – и занимается наша фирма. Слушатели у нас со всей страны, – это рассказывает директор Кемеровского филиала Института повышения квалификации руководящих работников и специалистов угольной промышленности Владимир Павлович Романов. Человек известный всему горняцкому краю. За его плечами полувековой трудовой путь от горного мастера до руководителя крупнейшего в стране угольного объединения «Кузбассуголь», Героя Социалистического Труда.

Ныне он персональный пенсионер союзного значения. Но без работы себя не мыслит. В 1978 году, сдав полномочия генерального директора объединения «Кузбассуголь», Романов сразу же пришел в институт по подготовке шахтерских кадров.

– Кое-кто тогда поговаривал: «генерал» отдохнуть захотел, – вспоминает заведующий кафедрой научной организации труда и производства, кандидат технических наук Ю. П. Киселев, – а с его приходом в институте словно свежим ветром потянуло и дела совсем по-иному пошли. Связи с объединениями стали конкретными и деловыми. А чему удивляться? Владимир Павлович знает наши проблемы как свои пять пальцев и умеет добиваться намеченной цели. А цель Романов ставит одну: создать для шахт бассейна надежный и

В. П. Романов

устойчивый резерв руководящих кадров, годных в любое время на выдвижение.

Для этого предстояло прежде всего совместно с объединениями улучшить отбор курсантов и поднять уровень и качество учебы в институте. Потребовалась перестройка учебно-методической работы. Качественно вырос профессорско-преподавательский состав института. Лекции слушателям сейчас читают около двадцати доцентов и столько же кандидатов наук – горняков, экономистов, социологов. К занятиям привлечено множество ведущих специалистов угольных объединений, учебных и научно-исследовательских институтов. Преподаватели, как правило, используют методы активного обучения слушателей навыкам аналитического мышления, приучают их к самостоятельному решению инженерных и технических

задач, широко используют в учебе новейшие технические средства.

Став наставником молодых шахтерских командиров, Владимир Павлович беззаветно отдает этому делу свой богатейший опыт, энергию и незаурядные организаторские способности.

...Третий час ночи. Устало шаркая чунями, Романов шел по основному штреку к стволу. Почти две смены находится он под землей. Одну, как и положено главному инженеру шахты, провел на участках, а другую отработал с забойщиком Кузнецовым. Глаз не отведешь от того, как хозяйничает в забое Георгий Зосимович. Ни тебе лишнего слова, напрасного движения, все выверено, рассчитано. Кливаж чувствует, как свое дыхание. Характер спокойный, добрый – недаром молодняк к нему тянется. И два десятка его учеников работают «покузнецовски». «Надо, – думает Романов, – организовать на шахте стахановские школы. Поставить в них учителями забойщиков Романенко, Симовича, Сидорова, Бондаренко, Скударнова, навальщиков Калинина, Шанина...» Владимир Павлович остановился. Мысли разбредили свежую рану.

Два дня назад, когда проводил наряд, позвонили из шахты. Тревожный голос горного мастера донес из-под земли: «Беда, Владимир Павлович! Взорвался оставленный взрывниками недочет. Смертельно травмирован Сулейманов...» Страшная весть оказалась настолько неожиданной и разящей, что у Романова беспомощно опустились руки. Минуту-другую в ушах стоял звон.

Муса Сулейманов... погиб... Нет больше Мусы – неукротимого, горячего и доброго. Какая жестокая несправедливость – потерять не только одного из лучших забойщиков, слава о котором с первых дней войны гремела по всему Кузбассу, но и друга. Еще в сороковом перешел он на «Пятую» шахту, сколотил здесь бригаду и работал всем на зависть. По одиннадцать забоев успевал за смену обуривать. А это как-никак норма шестнадцати горняков. На фронт постоянно просился. С обидой говорил: «Фашистов бить не пускают. Буду углем уничтожать шайтанов». Вот и оказалась для тебя, Муса, шахта полем боя... Сколько же пройдет вре-

мени, пока зарубцуется в памяти эта рана, утихнет боль утраты...

Владимир Павлович набрал пригоршню воды из струйки, стекавшей между стойками, плеснул в лицо. И снова неторопливо зашагал к подъему.

С того дня, как началась война, шахтеры не знали передышки. Вместе с начальником шахты Шишкиным и парторгом ЦК Скрипиным позабыл счет времени и главный инженер Романов. Всем коллективом бились над одной задачей – дать больше угля и обеспечить безусловное выполнение заданий Государственного комитета обороны. Вспомнился вчерашний утренний звонок управляющего трестом Одноволова:

– Что вы там с Шишкиным мудрите? Почему падает добыча угля? Что-о? Людей не хватает?.. Переводите с поверхности!

– Допереводились, Василий Маркович. Все подсобные службы оголили. На лесоскладе некому крепеж готовить, баня без obsługi... Но меры принимаем. Начальниками на все участки направили коммунистов. Днями пустим северное крыло, установим новую эстакаду с круговым опрокидом. Будет уголь...

Подобные вопросы-требования, как и ответы-обещания, каждодневны. Звонят и навещают из горкома, треста, комбината. Напряжение как струна. Это и понятно – шел 1942 год, самый тяжелый и драматичный в военной судьбе угольного Кузбасса.

Вот и сегодня на двух участках ералаш. Шесть забоев у Плаксиенко на седьмом, а плана нет. Понятно, что трудно. Ленты па транспорте износились, постоянно рвутся, «больных» вагонеток – третья часть парка. Пустить бы электровоз, да рельсов не могут найти. Лошади из сил выбились... Нет, так дальше дело не пойдет...

На ближайшем партийном собрании Романов ставит вопрос о снятии с работы и исключении из партии начальника подземного транспорта. Тогда же комсомольцы получают шефское поручение по уходу за лошадьми.

Тяжело – с перебоями и срывами давала шахта уголь. Потребовалось немало усилий, чтобы к

концу второго года войны она твердо «встала на план». Очень помогла этому инициатива главного инженера по развитию северного крыла. По проектам отработка угля определялась движением выработок в южном направлении. За пять довоенных лет лучшие запасы угля были уже всерьез подработаны. Выход казался единственным: хоть и накладно, но надо делать углубку и браться за следующий горизонт. А тут война. Как быть?

— Есть у меня, Иван Степанович, одна прикидка. — Романов положил перед начальником шахты набросок чертежа. — Спасти добычу может только прирезка северного крыла. Потребуется. Пробьем туда штрек, оборудуем рудничный двор... А пока, не теряя времени, возьмемся за уклоны и нарезку забоев сразу на двух пластах. Тогда и с новым горизонтом до лучших времен можно подождать.

Больше года, днями и ночами, жил Романов работами о северном крыле, и в декабре 1942 года оно порадовало шахту первыми тоннами угля. С тех пор вопрос о запасах угля на многие годы был снят. Что ж, не зря говорят, что в истории предприятий есть общая закономерность — лучшие и худшие их страницы так или иначе связаны с именами руководителей.

Разница между словом и поступком — в легкости первого и трудности второго. Человек обязательный, Романов постоянно стремится поднять слово до поступка. Ему чужды невыполнимые обещания, немислимые посулы. Хорошо памятен приезд на шахту заместителя наркома Э. О. Миндели, секретаря горкома партии И. И. Лаврухина и управляющего трестом В. М. Одноволова. Они побывали в забоях, посетили бытовые службы. Миндели, энергичный и въедливый кавказец, ругался за кладбище исковерканных вагонеток, беспорядок на подъеме и в ламповой. Одноволов, поднявшись из шахты, свое гнул: «Вместо соревнования за «удостоверение гвардейца» мордуете горняков посторонними работами. Один забойщик канавки чистит, другие выработки осланцовывают. А кто, спрашиваю, уголь будет давать?!»

Секретарь горкома партии, обращаясь к Романову, вдруг спросил:

— А вы, молодой коммунист, но уже зрелый руководитель, в чем видите главные упущения?

Подумав, Романов ответил:

— Для такого большого коллектива у нас все-таки маловато коммунистов.

— А почему?

— Мало занимаемся изучением людей, плохо их знаем.

И Владимир Павлович рассказал о горном мастере третьего участка Федоре Лаврентьевиче Щербинине. Бывший алтайский крестьянин не один год проработал навальщиком, забойщиком, взрывником, стал руководителем смены. Отлично трудится! Организует массовые рекорды, создает скоростные бригады. На таких и надо воспитывать молодежь. Главный инженер не ошибся в Щербинине. В конце войны по рекомендации Владимира Павловича он возглавил участок, быстро вывел его в лучшие, а в 1948 году стал Героем Социалистического Труда.

В начале 1943 года И. С. Шишкина переводят на «Капитальную» — крупнейшую шахту Киселевского рудника. Начальником шахты «Пятая» назначается Романов. В течение пяти лет, которые Владимир Павлович стоял во главе шахты, она была одной из лучших на руднике. И не только по сверхплановым тоннам угля. Это была пора мужания и зрелости коллектива, технического и социального роста предприятия. В военные годы горняки «Пятерки» четырнадцать раз были обладателями переходящего знамени ГКО. А, как известно, зря оно не давалось. Страна получила с шахты 16 тысяч тонн сверхпланового угля.

Вспоминая о тех далеких днях, ветеран труда, бывший заместитель главного инженера шахты Василий Андреевич Магницкий рассказывает:

— Время было трудное, военное. Приходилось сутками не покидать шахты, но никто из нас не скажет, что делали это по прихоти или приказу Романова. Да в таких командах не было и нужды: люди понимали свою ответственность и все делали на совесть. Не последнее слово в этом имело и доверие начальника шахты к исполнителям. Помню случай. С рельсов на пересечении основ-

ного штрека с квершлагом сошел электровоз. Удар о борт выработки оказался настолько сильным, что враз вылетели семь кругов крепления. А это ЧП – застопорилось движение к стволу. Выслушав меня, Владимир Павлович кричит в телефон: «Сбрось к чертовой матери электровоз в сторону и пускай по колее транспорт в оба направления». Повторяю, что сделать это трудно.

– А может попробовать поставить его, – вношу я свое предложение.

– Если не допустишь простоя – делай, – сразу же согласился Владимир Павлович.

Горняки тут же взялись за ремонт выработки. Сообща и быстро поставили электровоз на рельсы. И все были рады: сменный план шахтой был выполнен.

Главной пружиной нелегкого командирского долголетия Владимира Павловича всегда оставались общность интересов, искренность и внимание к людям. Об этом рассказывают и пишут многие. Сошлюсь на мнение Евгения Петровича Шеметова, в прошлом главного инженера шахты «Краснокаменская»: «Романов требовательный и талантливый горный инженер, к тому же скромный и добрый человек. Будучи управляющим трестом «Киселевскуголь», он не только интересовался технической стороной производства. Обязательно проверит, как обут, одет горняк, хватает ли инструмента, как организованы доставка рабочих и питание. Провинившихся толковых руководителей Романов «не списывал», спустя время вспоминал о них. Даже не знаю – почему, но на шахтах треста Владимира Павловича уважительно называли «графом Ростовым». Думаю, за справедливость и трудолюбие».

К концу войны трудовой Киселевск переживал отрядную полосу подъема. В числе лучших предприятий города была и шахта «Пятая».

...Стояли последние знойные июльские дни 1948 года. Все вокруг как бы плавилось и дрожало в зыбком мареве. Романов прислонил к березе двустволку, снял патронташ и спустился к зеркальной глади озера. Вышел на песчаную отмель среди прибрежного ивняка и, пораженный, замер.

Цвели лилии. Белые лепестки щедро распластались по воде, подставив солнцу ярко-желтую сердцевину цветка. Их было много, они раскрылись буйно, вдруг, все вместе.

Словно замороженный, смотрел Владимир Павлович на раскинувшуюся перед ним красоту, и показалось ему, что находится у родного, милого сердцу села Верхние Деревеньки, что в Курской области, где окончил семилетку и начал трудиться в колхозе. Тогда селян захватила лихая година. Небывалая засуха и голод заставили людей сниматься с насиженных мест и отправляться на поиски более приветливой судьбы. В 1933-м Владимир Павлович с отцом приехал в Ленинск-Кузнецкий к одному из многочисленных родственников. Узнал о работе шахтеров и поступил в Прокопьевский горный техникум. Преддипломную практику прошел на шахте «Пятая», на нее же вернулся после учебы и, как оказалось, на многие годы. С первой встречи с главным инженером шахты В. Т. Шибачевым, которая впоследствии переросла в добрую многолетнюю дружбу, понял Владимир Павлович, что ему необычайно повезло с наставником.

Василий Тихонович относится к числу видных горных инженеров Кузбасса. После шахты «Пятая» его назначили главным инженером рудника, а в 1943 году – управляющим трестом «Прокопьевскуголь». После войны Шибачев руководил комбинатами в Караганде и Донбассе, был заместителем министра угольной промышленности страны, председателем Карагандинского облисполкома. После ухода на пенсию и до кончины Шибачев жил в Днепрпетровске. Он очень много сделал для технического перевооружения Киселевского рудника и воспитания кадров.

Работящий и цепкий к горняцкой науке, Романов увлеченно внедрял на мощном пласту систему с закладкой. И когда в конце 1940 года главный инженер шахты И. С. Шишкин стал начальником, на свое место он рекомендовал молодого специалиста.

Горячо и вдумчиво взялся за дело новый главный инженер. Учился у старших, прислушивался к мнению рабочих, решения принимал обдуман-

но, основательно, по-крестьянски рачительно. В начале войны совсем рядом геологи обнаружили солидные запасы угля, лежащие под пяти-восьмиметровыми наносами глины. Романов предложил вскрыть их гидроспособом, а уголь по выработке сбрасывать на откаточный штрек. На речке Тугай отсыпали небольшую плотину, установили насосы, проложили трубопроводы и стали производить гидровскрышу. Дешево и просто. Об экологии в то время никто не думал. Позднее подобная практика была взята на вооружение многими горняками...

...Белые лилии на глади тихого озера. Они почему-то всколыхнули щемящее чувство одиночества. Владимир Павлович еще и еще перебирал в памяти вчерашний разговор с заместителем министра А. С. Кузьмичем. Решался вопрос о переводе его на другой рудник. Жалко было оставлять налаженное дело и коллектив шахты, с которым сроднился. Не вняв доводам, Кузьмич подписал приказ о его назначении начальником шахты имени Орджоникидзе.

И вот другой рудник, другая шахта. Обстановка не радовала. Давно не выполняется план угледобычи. Шахтеры теряли в зарплате, потянулись на другие шахты. «Вопрос стоит ребром, – раздумывал Романов. – Надо вселить веру в коллектив. Для этого прежде всего требуется поднять ответственность инженерно-технического состава. Дать людям свободу действий. Пусть каждый проявляет инициативу, принимает решения в рамках своего служебного долга и поставленных задач. Опекать их не буду, вмешиваться в их дело тоже. А вот помочь и научить отвечать за то, что делается, моя забота».

Так и сложились на шахте отношения – полное доверие и ответственность. Быстро нашли общий язык с главным инженером А. Г. Табаковым, человеком спокойным и рассудительным. (Позднее, окончив Горную академию, Алексей Григорьевич возглавлял ВостНИИ, а затем стал доцентом политехнического института в г. Фрунзе.) Вместе рассматривали планы горных работ, совершенствовали организацию труда в бригадах. Участ-

ки укрепили новыми кадрами. Прошло два месяца – шахта вышла из прорыва.

Владимир Павлович стремился, чтобы шахтеры понимали, что не углем единым и заработком побольше жизнь меряется. Так и говорил: «Если об одной расчетной книжке у шахтера будет голова болеть – не велика цена нашего труда. Совесть – вот что должно определять все дела, тогда и деньги будут, и уважение».

Рабочие и командиры шахты с полуслова понимали своего руководителя. Сообща намечали задачи, сообща искали пути их решения.

– Надо мной иной раз подшучивали, что слишком много советуюсь. А я не боюсь за свой авторитет, и слава богу, что мои подчиненные думают, умеют преодолевать трудности. Мое дело – выбрать лучший вариант, «добро» дать. Знать все и успеть за всем просто невозможно, ну как тут без коллег и товарищей обойдешься.

Летом 1951 года начальник комбината «Кузбассуголь» В. И. Воробьев подписал приказ о назначении Романова, теперь уже начальником крупнейшей прокопьевской шахты «Коксовая».

Приживаться на этой, имеющей богатые трудовые традиции и высокий авторитет, шахте совсем не просто. Понимая это, Владимир Павлович занял и соответствующую позицию. Приглядывался, событий опередить не спешил, изучал людей. Шахта была большой и сложной, с хорошо налаженным производством. Радовало и наследство, оставленное самобытным и талантливым организатором А. Ф. Кучиным, – дружный, с крепкой дисциплиной горняцкий коллектив. Тон по традиции задавали сильные и надежные кадры – опытные рабочие и итээровцы. В них Романов и нашел опору. С благодарностью вспоминает он парторга Пешкова, главного инженера Литвиненко, инженеров Саркеева, Помякшева, Крылова, Милованова, Тищенко, Вайпиканиса, начальников участков братьев Егора и Илью Смоляковых.

За три года работы Романова шахта ни разу не сорвала месячного плана угледобычи. Ее часто ставили в пример не только на руднике, но и в бассейне.

– Владимир Павлович был реалистом: он никогда не обещал лишнего, ничего не приукрашивал и не сулил никому наград и выгод, – вспоминает бывший помощник главного инженера, а впоследствии начальник шахт имени Калинина и «Ягуновская» М. И. Кушнир. – Работал, как вол, сам и требовал полной отдачи и от других. В сложных ситуациях он брал на себя не только нагрузку, но и ответственность...

...Десять лет спустя, окончив высшие инженерные курсы, Романов снова вернулся в Киселевск, вернулся уже управляющим трестом. Шла памятная для шахтеров бассейна вторая половина пятидесятых годов. Вступили в строй новые шахты, разрезы, обогатительные фабрики. Круто шла в гору добыча угля. Комбинат «Кузбассуголь» и все его тресты работали ровно, постоянно выполняли план. Киселевский рудник был в лидерах. Гремела по бассейну слава об открытчиках разреза имени Вахрушева, достигших наивысшей производительности труда. Маяком хорошо организованной работы была шахта «Тайбинская». Принимая трест, Романов по достоинству оценивал умелое руководство рудником своего предшественника Глеба Александровича Быстрова, возглавившего комбинат. Главное, думал, постараться сохранить и развить достигнутое. Романов понимал, что принять хозяйство на подъеме и достойно держать его на уровне – дело не менее трудное, чем раскачивать и выводить вперед отстающее.

Впрочем, проблем и задач, требующих забот и внимания на руднике, как и всюду, было больше, чем достаточно. Взять, к примеру, шахту «Тринадцатая». Пришел Владимир Павлович на пятый щитовой участок и спрашивает начальника Кустова:

– Похвались, как это ты сумел за полмесяца две тысячи тонн задолжать?

В ответ – молчание. Романов поворачивается к сопровождающему Мирошниченко:

– И тебе нечего сказать, начальник шахты? – Не дожидаясь ответа, Романов по ходуку пробирается под щит, внимательно, с пристрастием осматривает забой, рамы с накатником, крепление. Замечает,

что не на месте пробурена скважина. Короткий разговор с рабочими. Те в один голос жалуются: аварии замучили.

Вечером начальники участков собрались в кабинете Мирошниченко.

Владимир Павлович беспощаден:

– Если так безграмотно водить щиты, как Кустов, доброго угля не видать. Смотрите, что получается. Стоило нарушить направление скважины – углеспускные печи оказались на мягкой прослойке, целик между печами разрушился, а заполнить пустоту никто не додумался. А за паспортом крепления кто должен следить? Такое верхоглядство надзора и ведет к простоям забоя. А потом удивляемся, почему люди уходят с расхлябанных участков. Кому охота иметь дело с такими командирами?..

С ноября 1958 года в тресте организовали строжайший контроль за расходованием средств и материалов. На шахтах стали обычаем комплексные проверки работы плановых отделов и нормировщиков. Вводилась строгая отчетность за численность рабочих-сдельщиков.

Бывший главный инженер треста Г. П. Кузьмин рассказывает:

– В то время в Кузбассе шло «омолаживание» шахт. В Киселевске велась усиленная их реконструкция, строилась новая – «Карагайлинская». Романов метался по шахтам, спорил со строителями, решал множество технических и организационных вопросов. При этом всегда о людях заботился. Владимира Павловича одинаково тревожили, скажем, перевод подземного транспорта на большегрузные вагонетки и сооружение спортивного зала на стадионе «Шахтер».

Управляющий трестом яро боролся с фактами инертности и иждивенчества командных кадров, заставлял искать и использовать в интересах дела все резервы и возможности. Помню, приехал он на одну из шахт, и ее начальник жалуется на недостаток кранов в мойке. Обычно спокойный и выдержанный, Владимир Павлович взорвался: неужели, говорит, для того, чтобы добавить в мойку десяток кранов, дядя со стороны нужен. Какой же

ты хозяин?! Или другая вспоминается история – с автодорогой по городу. Долго она мучила киселевцев и всех, кому приходилось проезжать по руднику, своими одиннадцатью железнодорожными переездами. Романов сумел договориться с шахтостроителями и дорожниками, изыскал в тресте средства на сооружение капитальной объездной дороги, которая разгрузила город от потока транзитного транспорта.

Четыре года руководил Киселевским рудником Романов. Много успел сделать за это время, но многого, о чем мечталось и думалось, осуществить не удалось: слишком уж сложными и большими были проблемы горного хозяйства рудника и растущего с ним города.

Еще тогда вынашивалась, например, в тресте задумка начать развитие открытых горных работ на богатейшем Ерунаковском месторождении. Проектная контора треста даже прикидки сделала на прокладку железнодорожных путей и электроснабжение. Но в комбинате «Кузбассуголь» не поддержали: обойдемся пока без разреза. А ведь широко начни работы тогда, сегодня Ерунаковский район уже наверняка давал бы по меньшей мере десятков миллионов тонн угля. Только вставали на пути инертность, нежелание обременять себя лишними заботами.

На руднике тогда трудились опытные, отличные специалисты и командиры производства. Достаточно вспомнить таких инженеров, как И. И. Тараканов, Л. С. Городков, руководителей шахт А. А. Талалайкина, В. М. Сергиенко, Д. Ф. Шиматюка, Р. Р. Тихонова, М. С. Медютова, И. Т. Митичкина, В. И. Коняхова, А. И. Костарева или открытчиков С. И. Устинова и А. К. Барредо. И большим достоинством Владимира Павловича было уважительное и поистине товарищеское отношение к своим помощникам и коллегам.

...Было ветрено и по сибирским меркам совсем не холодно – градусов пятнадцать ниже нуля. Начальник комбината «Кузбассуголь» Романов и многоопытный главный инженер Линденау объезжали шахты Ленинского рудника. До нового 1962 года рукой подать, и они спешили. Предстояло вы-

работать программу работы комбината, а для этого требовалось точно знать обстановку на местах. Что ни день – новые записи, сделанные размашистым почерком Романова, ложились в объемистую рабочую тетрадь. Одни – на будущее, для раздумий и выводов. Другие, чтобы принять решения тут же, на месте. Как, например, на шахте «Журилка».

Начальник шахты Гребенщиков и главный инженер Манко, исходя из реальной обстановки, представили график отработки годного к выемке угля. Выходило, что, исчерпав эти запасы, где-то к концу года шахте предстояло сворачивать производство.

– А если, Трофим Евстигнеевич, – задает вопрос Романов, – вскрыть уклонами нижний горизонт? На сколько лет хватит фронта работ?

Гребенщиков в Ленинске-Кузнецком с институтской скамьи и шахту знает как свою квартиру.

– Самое малое, на двадцать пять, а то и на все тридцать.

Здесь же, в Ленинске-Кузнецком, Романов поручает проектной конторе комбината разработать проект углубки шахты и согласовать его с Кемеровским филиалом Сибгипрошахта. Спустя месяц-другой началась работа по углубке. Шахта была не только спасена, но и получила развитие на годовую добычу более двух миллионов тонн угля. И еще припоминается... К 1975 году в критическом положении оказалась кемеровская шахта «Северная». Кончались запасы угля на вскрытых горизонтах. Вставал вопрос о закрытии шахты, на которой трудился многотысячный коллектив с богатыми рабочими традициями. А если попытаться прирезать шахте запасы угля на пластах соседней Боровушинской свиты? Раз и два эти идеи отвергаются большинством членов технического совета. Пугала неординарность предложения, велика была сила инерции и нежелание взваливать на себя дополнительные хлопоты. Но Романов не был бы Романовым, если, будучи убежденным в правоте решения, не добился бы своего. Опираясь на четкие технические расчеты, он дает указа-

ние форсировать работы по прирезке запасов Боровушинской свиты.

И через несколько лет уголь, причем коксующийся, пошел из новых забоев. Впервые на шахте сказала свое слово серьезная механизация – появились гидромеханизированные комплексы, резко поднявшие производительность труда шахтеров. С тех пор «Северная» прочно удерживается среди благополучных шахт.

Подобных примеров, свидетельствующих об инженерной убежденности и хозяйственной дальновидности Романова, можно привести немало. Сам Владимир Павлович об этом рассуждает обыденно, по-мужицки просто:

– Оно ведь как получается. На большинстве шахт ныне комплексы, комбайны, автоматика. Но есть и шахты-«старушки». Иные рассуждают, какой, мол, с них спрос, только под ногами путаются. И забывают, какие в свое время затраты понесло государство на их сооружение. Люди здесь корнями приросли, отдали производству многие годы жизни. Нет, не отмахиваться надо от старого наследия, а, по возможности, модернизировать и подтягивать его до современного уровня. Уголь, он во все времена нелегко давался... Нельзя жить по принципу: мы, мол, народ не мелочный, не копеечный. Что и говорить – прибыли считать приятно, а убытки на грусть наводят. Мы обычно итожим то, что есть, а не то, что погубили, разбазарили, растеряли, – на это можно, вроде, и рукой махнуть. А зря. Вредна такая психология. Вредна и опасна.

С судьбой многих горняцких коллективов у Романова сложились особые отношения. Вспоминается взлет шахты «Чертинская-Южная». В канун XXII съезда партии ее горняки отказались от государственной дотации, решив переложить на плечи машин и механизмов наиболее трудоемкие операции. В ту же пору комбайновая бригада Ивана Корнева с шахты «Полысаевская-1» делом доказала, что ежемесячно выработку на комбайн можно поднимать на 500 тонн. Почин так и называли – «плюс 500». Комбайны и комплексы только входили, что называется, в силу. Влади-

мир Павлович требовал от трестов всячески поддерживать и распространить инициативу новаторов. Примеру Корнева последовала почти половина комбайновых бригад бассейна. Благодаря этому в 1962 году только Ленинский рудник перекрыл программу добычи угля на 53 тысячи тонн. По этому поводу Владимир Павлович вспоминает: «В числе делегатов от Кузбасса мне посчастливилось участвовать в работе XXII съезда партии. Слушал я выступление Героя Социалистического Труда, бывшего парторга ЦК ВКП(б) шахты «Центральная-Ирмино» Константина Григорьевича Петрова о времени, когда Алексей Стаханов установил невиданный рекорд, и думал: только нарубил забойщик отбойным молотком свои легендарные 102 тонны угля – его почин производительной работы сразу же стал достоянием всей страны, послужил запалом небывалого по размаху и результатам всенародного стахановского движения. Никто не остался в стороне. Могут сказать: время теперь другое, техника, люди изменились. Так-то это так, а вот энтузиазма, смею утверждать, поубавилось. Покажут, скажем, бригады Егора Дроздецкого или Петра Фролова, как можно по-настоящему трудиться, им цветы подарят, оркестр туш сыграет, статья о них в газете появится. Ну, а дальше?.. Добрый пример так и остается лишь примером».

В шестидесятые годы распространению передового опыта придавалось особое значение, оно было повседневной практикой работы партийных и профсоюзных комитетов шахт. И не случайно то время породило множество выдающихся трудовых рекордов, о которых не стыдно говорить и сегодня. Вспомним некоторые из них.

...В апреле 1962 года бригада Н. Г. Малютина с шахты «Чертинская-Южная» продвигает с помощью комбайна К-52М 140-метровую лаву и дает более 50 тысяч тонн угля. В конце года бригада Г. И. Конончука с шахты «Березовская» с таким же комбайном добывает за 31 рабочий день почти 77 тысяч тонн. Подобной производительности еще не знала мировая горная практика. Тогда же возшла звезда таких мастеров

горняцкого дела, как П. И. Титов, П. И. Фролов, А. Ф. Никитин, Т. И. Мигаль.

По приказу комбината во всех трестах и на шахтах были выделены ответственные лица за распространение передового опыта. Повсеместно действовали школы передовых методов. Результаты не замедлили сказаться. За год выработка на комбайн К-52М увеличилась в бассейне более чем на 500 тонн в месяц. Значительно эффективнее стали работать бригады, обслуживающие комбайны «Донбасс», ЛГД, комплексы КГУ, ОМКТ, КМ-87.

Большой и глубокий смысл был заложен в создании суточных комплексных бригад. Их преимущества перед сменными оказались неоспоримы. Сменные бригады больше о себе пеклись, для себя побольше старались вырвать. Система суточных комплексных бригад заставляла работать по-другому – один за всех, все за одного.

В новой форме организации труда начальник комбината видел взаимозависимость ответственности всех горняков за результат работы. Как-то весной 1954 года с первым секретарем Кемеровского обкома КПСС А. Ф. Ештокиным он спустился в забой шахты № 3-3 бис, где работала известная в стране бригада проходчиков. Руководил ею делегат нескольких съездов КПСС, депутат Верховного Совета республики Николай Георгиевич Кочетков. Проходчики завершали штурм двухпутевого штрека по пласту Безымянному. Работалось трудно, мешали пережимы пласта, прослойки породы, обилие воды и газа. Но выработка была крайне нужна, и весь коллектив шахты заинтересованно следил за ее проходкой. Секретарь обкома партии – тоже не новичок в горном деле. На шахтах Урала он прошел все ступени командирской лестницы от горного мастера до начальника комбината «Челябинскуголь».

В забое, после отпалки, в свежей струе воздуха еще ощущался кисловатый запах аммонита. Ештокин и Романов внимательно наблюдали за экономными и выверенными действиями проходчиков. Ни суматохи, ни горячки. Все продумано, рассчитано. Две погрузочных машины убрали

уголь из забоя, а третья непрерывно грузила его в два ряда вагонеток. Прямой и резкий луч лампы высветил напряженное, с резкими чертами худое лицо бригадира. Выключив двигатель машины, он улыбнулся гостям:

– Последние метры одолеваем, Афанасий Федорович. Ребята по пять циклов в смену берут. Так что за нами задержки не будет.

А назавтра Владимир Павлович был среди тех, кто чествовал бригаду Н. Г. Кочеткова, пробившую за 31 рабочий день 1200-метровый тоннель двухпутевого штрека. Это была невиданная доселе скорость проходческих работ.

Пройдет еще несколько лет и знатный бригадир, ставший Героем Социалистического Труда, возглавит шахту «Манеиха», а в 1978 году ему доверят высокий пост председателя областного комитета народного контроля.

– Сейчас нередко спорят, нужны ли нам рекорды, – рассуждает Владимир Павлович, – не являются ли они стремлением отдельных руководителей и рабочих выделиться, заработать на этом дешевый авторитет и славу. У меня на этот счет твердое мнение – рекорды нужны, очень нужны. Они показывают, на что способен человек или коллектив, поставивший перед собой достижение высокой цели. При такой работе мобилизуются технические, материальные, организационные и духовные резервы и возможности, идет творческий поиск лучших и более коротких путей к цели. Все это создает необычайно ценный и поучительный капитал, широкое использование которого позволяет горнякам, да и не только им, быстрее двигаться вперед.

Заразительный для других пример широкого использования научной организации труда подал коллектив шахты «Зырянская», возглавляемый энергичным инженером Владленом Даниловичем Ялевским, ныне Героем Социалистического Труда, генеральным директором ГПО «Кузбассгосуглепром».

Целеустремленная политика по техническому перевооружению, совершенствованию технологии и организации труда, проводимая в комбинате

«Кузбассуголь», возглавляемом Романовым, благоприятно сказалась на добыче угля. В седьмой пятилетке она поднялась на 14,2, в восьмой – на 20,4 и в девятой – на 22,7 миллиона тонн. В 1975 году шахтеры бассейна дали народному хозяйству страны 137 миллионов тонн угля, более 56 миллионов тонн из которых были коксующимися. Как показало время, это были лучшие годы подъема угольной промышленности Кузбасса.

За это время тысячи новаторов и передовиков угольного производства отмечены высокими наградами Родины, а 43 лучших из лучших стали Героями Социалистического Труда. Среди них были М. Г. Измestьев, А. А. Бабенко, Е. И. Дроздецкий, А. П. Земцов, А. С. Ременский, П. И. Соколов, П. И. Скорик, Н. М. Путьра, Э. Ф. Батулин, А. Ф. Никитин, Н. М. Романцов, С. Д. Нагорнов и другие. Высшей награды – ордена Ленина был удостоен и комбинат «Кузбассуголь», а в мае 1966 года Героем Социалистического Труда стал и его неутомимый руководитель Владимир Павлович Романов.

В одной из наших последних бесед с Владимиром Павловичем разговор коснулся организационных реформ, выпавших на его время работы генеральным директором объединения «Кузбассуголь». С горечью говорит он о том, что немало из того доброго и толкового, что сложилось за многие десятилетия, на глазах затормозилось в своем развитии или просто под нажимом сверху рушилось.

– Когда-то у нас был единый штаб угледобычи для всего бассейна. Вначале от него отрезали открытчиков. В известной мере это был оправданный шаг, продиктованный спецификой открытых работ и быстро растущим их объемом. А дальше началась непонятная чехарда. Ликвидировали компактные, хорошо отлаженные тресты, создали громоздкие объединения «Южкузбассуголь», «Прокопьевскуголь», «Северокузбассуголь». Управлять горным хозяйством стало труднее. Пришлось формировать новые объединения: «Киселевскуголь» и «Ленинскуголь». Штаты раздулись вдвое, а добыча угля стала, если не падать, то топтаться на месте: почти

десять лет бассейн не мог осилить 150-миллионного рубежа годовой добычи.

Одной из важных причин застоя в угольной промышленности Романов называет необычайно слабое влияние науки на совершенствование горного дела. Тревога эта давняя. Я вспоминаю выступление Владимира Павловича на представительной научной конференции по развитию производительных сил Западной Сибири, организованной Кемеровским обкомом КПСС и Академией наук СССР.

Внешне Романов выглядел на трибуне спокойным, только неровный тембр голоса выдавал предельную напряженность. А говорил он о сокровенном. Научные и проектные институты, связанные с углем, десятки лет чураются и всячески обороняются от проблем отработки мощных крутопадающих пластов.

Нужны шахты-лаборатории. Именно там должны получать путевку под землю современная технология и оборудование, вплоть до передачи его в руки рабочих.

Тревожит и другое. За последние полтора десятка лет в бассейне не построено ни одной мощной шахты, а две трети действующих отстают с реконструкцией и подготовкой новых горизонтов. Многие шахты вот-вот окажутся без фронта работ. Чтобы не потерять добычи, надо немедленно форсировать шахтное строительство, особенно на месторождениях с коксующимися углями. Коренного улучшения требует и горное машиностроение бассейна. Без этого двигаться вперед нам уже нельзя.

Человек беспокойной судьбы, Романов поражал всех прямоотой, искренностью и силой чувств, глубиной переживаний за любимое дело. Подобная эмоциональность встречается, к сожалению, не так уж и часто. Подчас это вызывает ироническую усмешку «трезво» мыслящих людей. Но не эта ли способность всей душой отдаваться любимому занятию в жизни, стремиться достичь поставленных целей и определила трудовой путь шахтерского командира, Героя Социалистического Труда Владимира Павловича Романова.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Г. ТУЛЕЕВ. «Своя строка в истории».....	3
В. В. МИХАЙЛОВ. Речь при вступлении в должность главы города	5
Геннадий ЮРОВ. Заповедное пространство.....	11
И. Ю. УСКОВ. Рождение города: строкой документа.....	20
Ровесник города. К 90-летию поэта В. Д. Федорова	34
Василий ФЕДОРОВ. Проданная Венера. Поэма	37
Вера ЛАЩЕВСКАЯ. Библиотека для всех, но и для каждого	44
Анатолий ЛОПАТИН. Новая книга о городе.....	61
Х. А. ИСХАКОВ. Память о летописце Кемерово	62
Петр ЛАВЛИНСКИЙ. Командиры угольного фронта.....	64
Ю. И. ДЬЯКОВ. Шахтеры	82
Юрий СКУДАРНОВ. Семья Перовых	101
След на земле. Рассказывают участники «Землячества Кемеровской области» в Москве	108
Виктор БАЯНОВ. Машинист Иван Петрович. Поэма	134
Георгий ГОЛОВАЦКИЙ. Воспоминание о паровозе	137
Федор ЯГУНОВ. Девятая пятница	142
Анатолий ЛОПАТИН. Мифы и действительность.....	146
Сергей СЕРГЕЕВ. Реквием по исчезнувшим улицам	154
Виктор АРНАУТОВ. Наставники	164
Н. М. ШЕМАРОВ. Слово о друге.....	172
Из альбома художника Н. М. Шемарова.....	175
Геннадий ЮРОВ. Как песня рождалась.....	177
Федор ЯГУНОВ. Колба на орбите.....	185
Геннадий МИТЯКИН. Царь-игра	187
Владимир СУХАЦКИЙ. О концепции «Исторические площадки».....	191
Василий КРАВЧУК. «Я рисую город».....	193

В девятом выпуске альманаха использованы фотографии Ю. Сергеева, Д. Сергеева, Ф. Баранова, П. Мельникова, пресс-службы Администрации Кемеровской области, а также работы художников В. Селиванова, Н. Верткова, Г. Захарова, Н. Шемарова, А. Ротовского, Н. Кофанова, В. Кравчука, А. Хмелевского.

Литературно-художественное издание

КРАСНАЯ ГОРКА

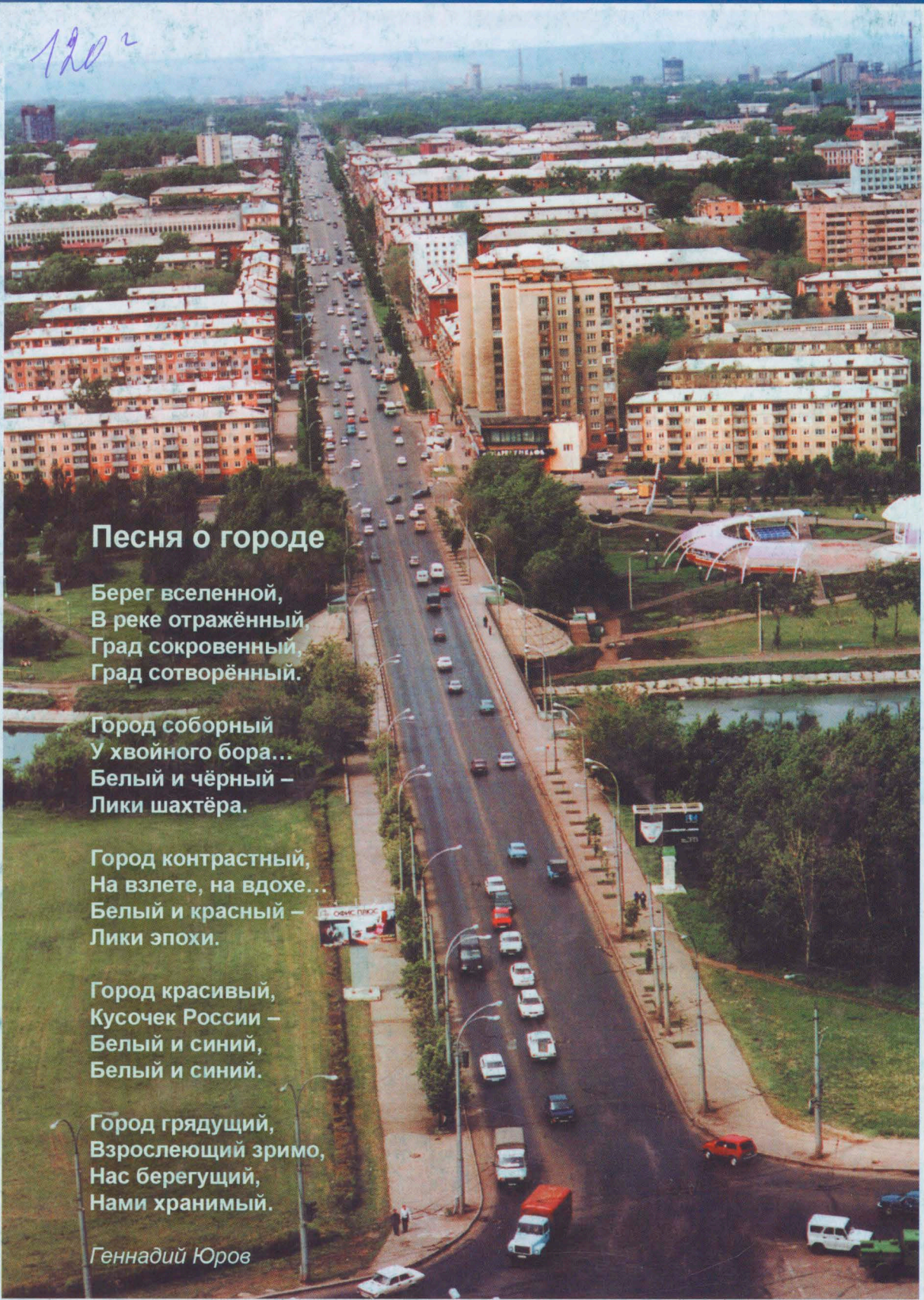
Редактор **В. А. Шамарданов**
Технический редактор **В. И. Труханова**
Компьютерная верстка **М. Л. Костомаровой**
Корректоры: **В. И. Труханова, Т. В. Тулупова**

Подписано к печати 29.05.2008. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,8. Уч.-изд. л. 17,0. Тираж 1000 экз. Заказ № 356

Издательство «Кузбассвуиздат». 650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7. Тел. 58-34-48

120²

Песня о городе

Берег вселенной,
В реке отражённый,
Град сокровенный,
Град сотворённый.

Город соборный
У хвойного бора...
Белый и чёрный –
Лики шахтёра.

Город контрастный,
На взлете, на вдохе...
Белый и красный –
Лики эпохи.

Город красивый,
Кусочек России –
Белый и синий,
Белый и синий.

Город грядущий,
Взрослеющий зримо,
Нас берегущий,
Нами хранимый.

Геннадий Юров